ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

СТЕПАНЕНКО Диана Аркадьевна

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИЛОЖЕНИИ К РЕШЕНИЮ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

(некоторые актуальные аспекты проблемы)

Специальность 12.00.09. Уголовный процесс, криминалистика,
оперативно-розыскная деятельность

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Томск—1996

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Предисловие. Обоснована актуальность темы, определены цель и задачи исследования, показаны его научная новизна и практическая значимость, рассмотрены методологическая основа и методика исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

1. В первом разделе диссертации «Моделирование в процессе реконструкции события преступления (общие вопросы)» рассмотрены концептуальные вопросы моделирования в процессе реконструкции события преступления (расследуемого события).

Первая глава этого раздела является введением в рассматриваемую проблематику. С позиций целей и задач уголовного судопроизводства, очерчены функциональные роли и направления деятельности соответствующих правоохранительных органов, показано значение общенаучных методов, в том числе моделирования, в поисково-познавательной деятельности следователя. Вторая глава посвящена исследованию актуальных направлений становления и развития моделирования. В третьей — раскрыта специфика модельных исследований в следственной и судебной практике.

1.1. Введение в проблематику

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России определяет цели и задачи уголовного судопроизводства, очерчивает функциональные роли и направления деятельности соответствующих правоохранительных органов. В частности, органы, осуществляющие предварительное расследование, обязаны возбуждать уголовные дела в случаях обнаружения признаков преступления: быстро и полно раскрывать преступления; изобличать виновных («винить доказательно» как было принято говорить на Руси); обеспечивать правильное применение закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Интерпретируя названные процессуальные задачи с позиций криминалистики, для которой приоритетны поисково-познавательные аспекты деятельности, автор утверждает, что целью органов предварительного расследования является реконструкция расследуемого события, т. е. восстановление по сохранившимся материальным и идеальным следам («следы памяти», которые лежат в основе формирования свидетельских показаний) всех его существенных обстоятельств, релевантных в уголовно-правовом, уголовно-процессуальном или тактико-криминалистическом отношении.

Реальную возможность адекватной криминалистической реконструкции расследуемого события определяют многие факторы.

7

Однако определяющей основой выступает нормативный «инструментарий» следователя — система процессуальных следственных действий. Жесткий диктат процессуального закона, регламентирующий производство следственных действий, не означает ограничений в использовании научных методов, познавательных процедур **и** приемов. Структура и содержание каждого следственного действия не только сами сформированы на научно выверенных положениях, но и ориентируют следователя на широкое использование в своей работе и научно-технических средств, и достижений передовой научной мысли в самых различных ее проявлениях. В диссертации особо подчеркнуто значение для поисково-познавательной деятельности следователя философских категорий и законов, а также общенаучных методов познания.

Значение общенаучных методов познания проявляет себя по нарастающей. Во многом это связано с интегративными тенденциями в современной науке. Наглядное проявление синтеза научного знания являет собой все возрастающая роль принципов системного подхода и метода моделирования, что не могло не сказаться и на исследованиях, предпринимаемых криминалистами в теоретических областях своей науки и

в практической деятельности по расследованию преступлений.

1.2. Становление моделирования как научного метода исследования

За свою многовековую историю моделирование из интуитивного аналогизирования сформировалось в научный метод познания, специфический способ исследования. Суть метода в следующем.

Если классическая схема познания включает в себя два компонента: субъект познания—объект познания, то обращение к методу моделирования в каждом случае связано с использованием «посредников»— помощников с заранее заданными свойствами. Эффективность познавательной деятельности исследователя при этом может быть значительно увеличена двумя путями: а) путем усиления его естественных возможностей, используемых в акте познания, и б) путем замещения объекта познания другим объектом, имеющим по отношению к своему прототипу определенные преимущества. Первый путь связан с разработкой и использованием различных технических приборов, а второй —с использованием моделей оригинала. Одновременное использование «посредников» обоих типов (приборов и моделей) не всегда необходимо, а в ряде случаев и невозможно, например, в процессе мысленных экспериментов с абстрактными, воображаемыми моделями оригинала. Использование соединенных достоинств тех **и** других средств познания, в частности, при экспериментах с материальными моделями позволяет рассчитывать на оптимальные результаты процесса познания. Таким образом, моделирование представляет собой практическое или теоретическое исследование объекта,

при котором непосредственно изучается не этот, интересующий исследователя объект, а вспомогательная искусственно созданная или естественная система («квазиобъект»), находящаяся в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом, способная его замещать в определенном отношении и дающая при ее исследовании информацию о самом моделируемом объекте. Итак, о моделировании есть основание

говорить как о способе познания в тех случаях, когда одна система (объект исследования) воспроизводится в другой — в модели, и соответствующие модельные эксперименты открывают перед исследователем возможность получить новое знание о моделируемом объекте. Таков общий абрис процесса моделирования, как он вырисовывается в результате изучения литературных источников по философии, психологии, педагогике и техническим дисциплинам.

Общие контуры процесса моделирования дают основание для содержательного рассмотрения двух основных составляющих метода моделирования: а) моделей, которые выступают в качестве объекта метода моделирования, ;и б) моделирования как специальной исследовательской процедуры. В диссертации автор останавливается на каждом из этих аспектов, приводит некоторые классификационные системы моделей, учитывая их распространенность и практическую значимость. При этом подчеркнуто принципиальное различие моделей, в зависимости от условий отображения свойств объектов, которые они «замещают» (модели физические или материальные и модели абстрактные или идеальные, воображаемые). Отмеченное различие в определенной мере предопределяет специфику моделирования как специальной исследовательской процедуры. Материальные модели функционируют в соответствии с объективными законами реальной действительности и выступают в качестве своеобразного орудия реального эксперимента. Идеальные же модели являются составной частью мысленного эксперимента. Это существенное различие не исключает наличия весьма важного общего признака, характеризующего процесс модельного исследования как с материальными, так и идеальными моделями. Речь идет о неразрывной связи научного метода моделирования и экспериментального метода. Новые знания невозможно получить, не проведя соответствующих экспериментальных действий. Открытие, появление нового знания — прерогатива эксперимента и только эксперимента (В. В. Быков), Отсюда вывод: эксперимент — безусловный атрибут и категорический

императив моделирования, если, разумеется, иметь **в** виду научный метод познания, а не иные значения этого слова, имеющие хождение **в** быту.

Поскольку моделирование в каждом конкретном исследовании представляет собой, хотя и ответственный, но всегда только один из этапов познавательного процесса, рассмотрена структура про-

цесса познания в целом и в этой структуре определено место и значение этого метода **и** органично связанного с ним эксперимента. Особое внимание в диссертации уделено моделированию с использованием идеальных (мысленных) моделей. Такое моделирование связано с обязательным формированием и оперированием так называемых базовых мысленных моделей, т. е. таких чувственных образов, которые отражают реальные структурные элементы, входящие в состав тех или иных относительно самостоятельных подсистем познаваемого объекта, и пригодны для их конструктивных разработок, нацеленных на получение нового знания, релевантного целям предпринятого исследования. Сущность и назначение базовых мысленных моделей предопределяет правило, согласно которому на протяжении каждого элементарного акта познания они должны оставаться константными (В. В. Быков, А. П. Чернов).

Подробно разобраны **и** другие требования, которым должны отвечать процедуры, связанные с оперированием базовыми мысленными моделями как своеобразными опорными пунктами исследователя. **Методологами** разработана иерархическая система таких требований. Основные из них суть в следующем:

— процессуальность. Базозые мысленные модели, соз-даваемые в непосредственной конструктивной деятельности в мышлении исследователя должны функционировать в образах как процессы. Другими словами, они должны отображать в сознании позиающего субъекта процессы взаимодействия отдельных элементов своего состава, **изменения** их состояний *щ* состояний подсистем, элементами которых **они** являются. Без

этого подлинно научное исследование и научный эксперимент как атрибутивный метод и структурный элемент процесса познания осуществить невозможно;

— полнота. Базовые мысленные модели непосредственного конструктивного процесса должны удовлетворять требованию полноты: их набор должен быть необходимым **и** достаточным для осуществления поставленной исследовательской задачи;

— упорядоченность. Базовые мысленные модели должны обладать — свойством упорядоченности, т. е. их последовательности должны находиться в отношениях соответствия с последовательностями функционирования подсистем объекта познания;

— целостность. Структурные элементы базовой мысленной модели должны принадлежать одному объекту, обладающему относительной самостоятельностью. В мышлении исследователя они должны функционировать как целостное образование. Как и любой другой объект, их можно мысленно-расчленить на -отдельные составные элементы, но в этом случае «они теряют качество базовой мысленной модели объекта **и** могут выступать только как базовые мысленные модели его отдельных элементов» (В. В. Быков).

10

Обозначенные' правила **универсальны,** сохраняют своё значение независимо от того, в какой области деятельности мысленные модельные эксперименты осуществляются. В полной мере это относится и к сфере уголовного судопроизводства, практике расследования преступлений.

Широкое использование моделирования в самых различных сферах деятельности человека привело к различным формам теоретического осознания модельных исследований: общей теории моделирования и специализированным теориям моделирования. Появилось множество определений понятия «модель» и «моделирование»- Терминологический аппарат моделирования оказался не только громоздким, но и крайне

противоречивым. Понятия; кото[1] рым и оперируют авторы нередко неконкретны, многозначны (полисемия), расплывчаты. Все это привело к засорению, дублированию в терминологии и в итоге к неопределенности в самих научных рассуждениях. Использование «модельных» терминов стало модным поветрием. Положение усугубляет тенденция к расширив тельной трактовке содержания понятия «моделирование» вплоть до отождествления с процессом мышления (Н. М. Амосов). Тенденция оперировать понятиями «модель» **и** «моделирование» в их предельно широком толковании проявляет себя не только на **философском** уровне, но и в отраслевых науках, в частности, и в теории права, и в отдельных отраслях права, в том числе и в криминалистике. Ничего кроме дискредитации метода следственной практике это не дает.

В связи с изложенным явно не случайны результаты интервьюирования следователей органов прокуратуры и МВД. Из 122 опрошенных нами следователей на вопрос «Применяете ли Вы в своей работе моделирование?» 96% респондентов ответили положительно. В то же время, подавляющее большинство «применяющих моделирование» на вопросы, призванные раскрыть содержание термина «моделирование», дали ответы из которых следует, что они отождествляют моделирование с «хорошей, вдумчивой работой с доказательствами», с. «правильным и своевременным выдвижением версий», с «выдвижением системы версий, охватывающей все возможные варианты развития расследуемого события», с «размышлением о том, что произошло на месте происшествия» и т. д. На вопрос, чем, по их мнению, моделирование отличается от выдвижения версий, 42% респондентов из числа «применяющих моделирование» ответили—«это одно и то же», около 22% опрошенных отметили, что, моделируя, они «пытаются представить себе, что именно **и** в какой последовательности произошло на месте происшествия», а остальные воздержались от ответа. Характерно, что 88% от общего числа опрошенных указали на отсутствие в их распоряжении каких-либо методических рекомендаций

по вопросам моделирования, которые они могли бы использовать в своей практической работе.

Тенденция широко трактовать понятия «модель» и «моделирование» в отдельных публикациях по проблемам 'Криминалистики была уже зафиксирована (Т. С. Волчецкая, Н. В. Кручинина), но принципиальных возражений не вызвала. Автор диссертации **пошагает,** что оценка указанной тенденции со стороны криминалистов должна быть принципиально иной и связана, прежде всего, с ее неприятием.

1.3. Специфика модельных исследований в следственной и судебной практике

Определяя специфику модельных исследований в следственной и судебной практике, автор учитывала в качестве определяющих два обстоятельства: а) успешное использование возможностей моделирования в уголовном судопроизводстве окажется возможным, если указанным выше проявлениям будет противопоставлена система жестко действующих ограничений, сформированных в соответствии с легитимными правилами доказывания как процессуальной формы раскрытия преступлений; б) в решении этой сложной ***т*** многоаспектной задачи базовое значение будет иметь выявление структуры моделирования, отвечающей условиям следственной и судебной работы. К такому выводу автор приходит, учитывая очевидную истину: процесс моделирования отличается от простого обдумывания проблемы, прежде всего, своей структурированностью.

Ряд авторов зафиксировали в печати свое понимание струк-руры криминалистического моделирования (Г. А. Густов, И. М. Лузган, Т. С. Волчецкая). При этом они фактически повторили описание структуры моделирования, абстрагированной философами йа категориальном уровне. В диссертации дан критический анализ этих высказываний. Философские категории универсальны-, но они не претендуют и не могут претендовать на раскрытие «технологии» процессов в конкретных областях знания и

практики. Отсюда следует, что предложенная названными учеными трактовка структуры криминалистического моделирования не может обеспечить конструктивных предложений, которые бы имели для следственной практики значение методических рекомендаций, призванных оптимизировать решение задач уголовного судопроизодства. Это жесткий вывод, но он логичен, поскольку критикуемая позиция изолирована от содержания деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и «технологию» этой деятельности не учитывает. Достаточно сказать, что из поля зрения авторов выпала важнейшая составляющая процесса моделирования — эксперимент. Отмечены и другие упущения.

Структуру криминалистического моделирования следует выявлять и рассматривать с позиций системного подхода. Обоснован

вывод, согласно которому структура модельного исследования по отношению к закономерностям познания, выявленным на философском урозне, выступает в качестве соответствующего субструктурного системного образования. Таким образом, в процессе модельных экспериментов необходимо учитывать не только внутренние, но и внешние связи познаваемой системы.

Изложенное позволило соискателю определить структуру процесса криминалистической реконструкции расследуемого события в качестве частного случая ретросказательного познавательного процесса, морфология которого включает в свой состав и процедуры метода моделирования. Приведены составляющие этой структуры. Раскрыто содержание каждого структурного элемента, в том числе создание модели (системы базовых мысленных моделей) и исследование этих «квазиобъектов», ориентированное на выявление информационно «незаполненных» структурных элементов данной системы и связей между ними: проведение необходимых натурных и (или) мысленных экспериментов с целью получения нового знания, которое позволит заполнить выявленные в структуре исследуемого объекта пробелы.

На пути формирования критериев, ограничивающих проникновение в сферу уголовного судопроизводства расширительного понимания моделирования, приведенная структура и ее анализ позволили сделать следующие в'ыводы.

Во-первых. Поскольку в структуре процесса криминалистической реконструкции расследуемого события, структурированной на философском уровне общности, моделирование выступает в качестве субструктурного элемента, то с позиций системного подхода очевидно, что коррелят исследуемого объекта, «претендующий» на роль модели этого объекта, нельзя брать и рассматривать как нечто элементарное. В контексте теории моделирования в уголоз-ном судопроизводстве такой «заместитель» не должен называться моделью, а моделирование лишается смысла.

Во-вторых. Игнорирование модельных экспериментов как безусловного императива и одной из составляющих метода моделирования также выводит «действозания» исследователя за рамки названного научного метода, приемлемого в процессуальном режиме уголовного судопроизводства.

В-третьих. Исходя из специфики доказывания как процессуальной формы реконструкции расследуемого события, информация (повое знание) о том или ином объекте, полученная в результате использования возможностей метода моделирования, будет иметь доказательственное значение только при условии, если соответствующие модельные исследования осуществлены в рамках процессуальных следственных действий, прежде всего, следственного эксперимента (ст. 183 УПК РСФСР), предъявления для опознания

(ст. 164 УПК РСФСР) и экспертизы (ст. 78 УПК РСФСР).

Серьезный и ранее в криминалистике не обсуждавшийся «ограничитель» расширительного толкования понятий «модель» и «моделирование» в уголовном судопроизводстве представляют собой результаты рассмотрения моделирования **с** позиций семиотики. Показано, что моделирование — категория знаково-символической деятельности. Подробно

анализируются достоинства и недостатки средств знаково-символической деятельности, обусловленные условиями отображения физических объектов (закономерности прост рапственного изоморфизма и изофункционализма). Приведена классификационная система средств знаково-символической деятельности, с которыми органы, ведущие уголовный процесс, имеют дело особенно часто (фотоснимки, видеозапись, чертеж, схема, карта и др.). Подчеркнуто, что моделирование—один из видов знаково-символической деятельности наряду с индексированием, замещением, кодированием/декодированием и схематизацией. Осуществлен сравнительный анализ этих видов деятельности. Обращено внимание на то, что перечисленные виды деятельности не всегда изолированы друг от друга и могут проявлять себя в комплексе, однако практически в каждом таком случае нетрудно обнаружить доминирующие черты какого-либо одного из видов названной деятельности (Н. Г. Салмина). Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку только моделированию присуща функция получения нового знания в результате оперирования знаково-символическими средствами. Отождествление различных видов знаково-оимволической деятельности **в** уголовном судопроизводстве недопустимо. Умение на научной основе-дифференцировать ниды семиотической деятельности имеет далеко не академический интерес. Следователю и другим органам, ведущим уголовный процесс, ориентироваться в указанных вопросах необходимо, в частности, в случаях, когда приходится выяснять, имеются ли в наличии необходимые и достаточные условия, позволяющие использовать в качестве судебного доказательства выводное знание, полученное в результате мысленного эксперимента, и в некоторых других случаях.

2. Во втором разделе диссертации «Использование возможностей метода моделирования в некоторых типовых следственных ситуациях», рассмотрены вопросы теории и практики использова ния возможностей метода моделирования в отдельных **типовых** следственных ситуациях,

складывающихся при расследовании дел об убийстве.

Первая глава этого раздела посвящена вопросам моделирования в процессе установления взаимного положения потерпевшего, оружия и стрелявшего в момент выстрела. Во второй главе, с учетом положений теории семиотической деятельности, проанализированы содержательные и процессуальные аспекты приемов и

методов воссоздания прижизненного облика лицевой части головы покойного на сснове костей его скелетированного черепа, а также процесс идентификации личности покойного методом фотосозме-щения его черепа и прижизненной фотографии безвестно отсутствующего лица. Завершает раздел третья глава, в которой рассмотрены вопросы, связанные с использованием возможностей метода моделирования в процессе проверки алиби подозреваемого.

2.1. Моделирование в процессе установления взаимного положения потерпевшего, оружия и стрелявшего в момент выстрела. Расследуя преступления, связанные с использованием огнестрельного оружия против человека, следователь сталкивается с необходимостью выявить и исследовать следы применения этого оружия с тем, чтобы адекватно реконструировать релевантные в уголовно-правовом отношении обстоятельства произошедшего события. Возникающие при этом следственные ситуации весьма специфичны, а конкретные задачи, стоящие перед следователем, достаточно сложны. В ряду последних—установление взаимного положения сложны. В ряду последних — установление взаимного положения в пространстве огнестрельного оружия, стрелявшего и потерпевшего в момент выстрела. Решение этой задачи органично связано с выяснением механизма взаимодействия объектов, оказавшихся «задействованными» в расследуемом событии. Исследование следов такого взаимодействия предполагает не только их раздельное изучение, но и сравнительный анализ в рамках реальных и/или мысленных модельных экспериментов.

Обстановку места происшествия по делам данной категории автор рассматривает как специфическую систему, которая имеет сложную структуру (огнестрельное оружие, следы выстрела на объектах поражения и иные следы, связанные с применением этого оружия). При этом изложению вопросов, непосредственно касающихся моделирования в баллистических исследованиях предпослано описание сущности системного подхода как общенаучного методологического направления и фундаментальной стратегии научного исследования (И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин). Это позволило обосновать вывод, согласно которому при выяснении обстоятельств применения огнестрельного оружия метод моделирования эффективен не иначе как вкупе с принципами и познавательными процедурами системного подхода. В этом же ключе в диссертации анализируются практически значимые виды связей между отдельными структурными элементами места происшествия, рассматриваемого в качестве системно-сгруктурного образования. Внимание акцентировано не только на прямых, но и косвенных связях (обратная последовательная косвенная связь, параллельная косвенная связь, обратная параллельная косвенная связь).

Процесс криминалистической реконструкции обстоятельств применения огнестрельного оруж<ия автор связывает с необходи-

мостью локализации структурных элементов этой системы, незаполненных наличной информацией, и последующим заполнением этих пробелов соответствующими фактическими данными, в том числе выводным знанием, полученным в результате мысленных и/или натурных модельных экспериментов. Такой подход обусловил создание «скелетной схемы», которая на уровне научной **абстракции** отображает криминалистически значимые параметры названного системно-структурного образования.

Сформированная автором схема («Структура криминалистической реконструкции убийства, совершенного из огнестрельного оружия: аспекты элементов, связей, целостности») содержит десять относительно

самостоятельных информационных блоков; 1) блок информации о субъектах—непосредственных участниках расследуемого события; 2) о времени; 3) о месте; 4) об оружии; 5) относительно огнестрельного снаряда; 6) о количестве и технической характеристике выстрелов; 7) о действиях участников события; 8) о дистанции **выстрела;** 9) **о** траектории огнестрельного снаряда; 10) о наступивших последствиях- Схематическое **изображение** потенциально значимой криминалистической информации дифференцировано в каждом из информационных блоков применительно к практическому решению вопроса о взаимном положении в пространстве оружия, потерпевшего **и** стрелявшего **в** момент выстрела. Сделано это без излишней детализации, так как основная цель предпринятой декомпозиции — обозначить контуры базовых мысленных моделей, формирование которых с необходимостью должно предшествовать осуществлению мысленных модельных экспериментов.

Обобщив многочисленные методические рекомендации, касающиеся обнаружения, фиксации и исследования следоз выстрела, автор изложила основные из них, рубрицируя текст в соответствии с информационными блоками упомянутой выше схемы. Рассмотрены спорные вопросы, касающиеся производства так называемых ситуалогических экспертиз. Предложение дифференцировать объекты судебной экспертизы на непосредственный (вещная обстановка места происшествия) и нечто аморфное, именуемое «событием» (Г. Л. Грановский), автор рассматривает как попытку реанимировать концепцию, которая в свое время отводила экспорту роль «научного **судьи»** с широкими процессуальными полномочиями и полагавшая следователя лицом второстепенным, выполняющим преимущественно роль «оформителя» материалов уголовного дела.

Подробно проанализированы достоинства и недостатки модельных экспериментов при использовании возможностей графического метода определения положения в пространстве стрелявшего и потерпевшего в

момент выстрела (метод Л. С. Федоровцевой).

16

Рассмотрение приемов, составляющих содержание метода моделирования щ его приложении к решению задач, связанных с исследованием системы «стрелок — оружие—потерпевший», завершает анализ «визирования» и «провешивания трасс». Эти приемы также несут с собой, хотя и не (всегда в явно выраженной форме, черты метода моделирования. Уделено внимание использованию в модельных экспериментах биом>анекенов.

2.2. Моделирование в процессе установления данных о личности потерпевшего по костям его скелетированного черепа

Отметив большое тактико-криминалистическсе значение для расследования убийств сведений о личности потерпевшего и подчеркнув сложности, с которыми следователь сталкивается в случаях, когда обнаружены костные останки покойного, автор рассмотрела с позиций знаково-символической деятельности два возможных подхода к разрешению возникающей перед следователем задачи.

Первый из них обусловлен следственной ситуацией, сущность которой определяет наличие в распоряжении следователя не только костей черепа покойного, но и прижизненной фотографии безвестно отсутствующего субъекта, которого предположительно полагают погибшим. В таких случаях идентификация покойного возможна с использованием метода фотосовмещения изображения обнаруженного черепа и прижизненной фотографии его предполагаемого «владельца». В кратком историческом экскурсе автор показывает истоки указанного метода, раскрывает технологию его применения, вычленяя при этом модельные эксперименты. Соответствующие экспертные исследования автор относит к классу судебных экспертиз, именуемых «Идентификация целого по его частям». Эта позиция обстоятельно аргументирована. Отмечены возможные конечные результаты таких исследований. Определены условия, при которых возможно

обоснованное экспертное заключение о тождестве. Квалифицируя такие экспертизы как деятельность со знаково-символическими средствами, автор обозначила наличие элементов различных видов такой деятельности, отметив, что доминирует среди них моделирование.

Иная ситуация складывается, когда среди обнаруженных костных останков человека, хотя и имеются кости черепа, но, тем не менее, отсутствуют данные для выдвижения конкретных версий о их персональной принадлежности, и, естественно, в распоряжении следователя нет прижизненных фотоснимков «претендентов» на непосредственную связь с обнаруженными останками. В таких случаях имеется возможность прибегнуть к физиономической реконструкции прижизненного облика покойного, используя в качестве ее основы кости черепа (метод скульптурного портрета). Рассмотрена более чем столетняя история вопроса относительно возможности создания на костях черепа человека скульптурного изо-

бражения, которое имело бы портретное сходство с умершим индивидуумом. Приведя различные точки зрения по этому вопросу и критически их проанализировав, автор приходит к выводу, согласно которому перспектива добиться портретного сходства скульптуры с прижизненным обликом умершего незначительна. Соответствие может проявить себя только в грубой пропорции. В тонких же, характерных чертах, которые и формируют индивидуальность, неминуемы весьма значительные расхождения. Предъявлять такие объекты для опознания в процессуальном режиме нет оснований. Рассматривать процесс создания скульптуры на краниометрической основе как моделирование (И. М. Лузган) также некорректно, поскольку атрибутивные признаки этого научного метода в тапих случаях отсутствуют.

Рассматривая процесс физиономической реконструкции на черепе с позиции теории знаково-симиолической деятельности автор показывает, что

сущность такого процесса определяет не моделирование, как это утверждает И. М. Лузгин, а иные виды знаково-оимволической деятельности: замещение, кодирование, декодирование, схематизация. Элементы же, которые являются атрибутами метода моделирования, обнаружить не удается. В частности, ваятель (по терминологии И. М. Лузгина—«эксперт») в процессе пластической реконструкции на краниометрической основе никаких модельных **экспериментов** не производит. И это логично. Создание скульптурного портрета в процессе пластической реконструкции на черепе для человека, выполняющего эту работу, выступает как самоцель, а не как формирование модели, которой он будет оперировать, осуществляя те или иные модельные эксперименты. Отсюда следует, что нет оснований рассматривать пластическую реконструкцию внешнего облика субъекта по его черепу в качестве «разновидности метода моделирования» (И. М. Лузгин). Процесс пластической реконструкции лица человека по его черепу относится к области искусства, интуиции и мастерства ваятеля. Попытки наделить этот процесс не свойственными ему чертами научности А. М. Ларин отнес к сфере паракриминалисти-КИ. Полагаем, что он не допустил передержек ни в фактическом, ни в этическом отношении.

Полемизируя с рядом криминалистов и процессуалистов, автор полагает необоснованным отнесение скульптурных портретов, созданных на краниометрической основе, к категории так называемых «суммирующих производных вещественных доказательств». Рассмотрев составляющие этого понятия («производное», «суммирующие») и основываясь на нормативных определениях понятий вещественных доказательств, автор разделяет мнение тех ученых, которые отстаивают позицию, согласно которой вещественные доказательства по своей природе **и** сущности в уголовном процессе

всегда выступают в качестве доказательств первоначальных. «Производные» вещественные доказательства — нонсенс.

Сделанные выводы имеют отношение и к модификациям метода

скульптурного портрета: составление словесного портрета покойного по его черепу с соответствующими графическими построениями (модификация А. И. Ратневского), реконструкция лица человека по его черепу с использованием электронно-вычислительной техники (экспериментальная программа А. М. Зинииа **и** соавт.).

Приведенные соображения ни в коей мере не умаляют возможностей исследования костных останков антропологами и другими специалистами в процессуальном режиме судебной экспертизы. Антропология, особенно такие ее разделы «ак антропогенез и морфология человека (учение о закономерностях роста и общих для всего человечества вариациях в строении тела), а также остеология, изучающая строение скелета, накопили громадный объем научных данных об анатомических особенностях людей, принадлежащих **к** различным этносам. Назначая антропологическую экспертизу, следователь может рассчитывать на то, что специалисты по форме костей черепа могут определить, к какой расе принадлежал умерший, его пол и возраст, а также ответить на многие другие вопросы. В пределах компетенции названных специалистов (их коллегия может быть расширена за счет включения в ее состав судебного медика, дантиста, хирурга **и** др.) находится и определение прижизненных признаков внешнего облика покойного.

2.3. Моделирование в процессе проверки алиби

Изложению проблематики, непосредственно связанной с использованием возможностей метода моделирования в процессе проверки алиби подозреваемого (обвиняемого) на предварительном следствии и на суде, автор предпослала некоторые положения общеметодологической направленности. Приведена логическая структура системы «алиби». Проанализированы связи и отношения между структурными элементами этой системы. Подчеркнута необходимость рассматривать проблемы алиби в неразрывном единстве с проблематикой разрабатываемой в рамках активно формирующейся частной **криминалистической** теории

пространственно-временых связей и отношений. Такой подход убеждает автора **в** правильности концепции алиби в широком смысле, распространяемой и на такие процессуальные фигуры как свидетель и потерпевший, а также на орудия преступления, другие вещественные доказательства и иные объекты, оказавшиеся в сфере уголовного процесса (А. Форкер, В. Грайхэн, Н. В. Кручинина, В. И. Шика-нов и др.). Отмечены особенности проверки алиби, связанные с доминированием поискового, эвристического характера расследования; рассмотрены ситуации, которые обуславливают аналитическую направленность такой деятельности (Л. Я-Драпкин). **При-**

ведены основные классификационные системы алиби, имеющие практическое значение для расследования, в частности, разновидности ложного алиби, как одной из форм противодействия расследованию и уклонения от ответственности за содеянное. Затронут процессуальный аспект проверки алиби. Показана специфика проверки алиби в ряде стран англосаксонской системы права (вручение обвинителю предупредительной записки об алиби, ограничение средств доказывания алиби свидетельскими показаниями и др.). Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации подобных ограничений не знает. Факт алиби, как **и** любой иной факт дела, в уголовном процессе доказывают (подтверждают, опровергают) при помощи доказательств, являющихся источником сведений о данном факте,— свидетельскими показаниями, **письменными** документами и т. д. (М. С. Строгович).

Возможности использования метода моделирования в процессе проверки алиби подозреваемого (обвиняемого) показаны на примере анализа сложного для расследования уголовного дела обубий-стве, сопряженным с изнасилованием. Проанализированы обстоятельства, приведшие к судебной **ошибке** (проявление при расследовании обвинительного уклона, выразившегося в игнорировании заявления обвиняемого о его алиби,

нигилистическое отношение к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона и др.). Отмечена последующая профессионально безупречная работа криминалистов, которая позволила исправить судебную ошибку. Особое внимание обращено на организацию и проведение натурных модельных экспериментов в сочетании с другими познавательными приемами **и** процедурами, в том числе мысленными экспериментами (моделирование с использованием идеальных моделей).

Заключение. Приведены некоторые итоговые суждения автора по теме диссертации. Констатируется наличие научной парадигмы, ориентированной на безмерно широкое понимание сущности моделирования, фактически охватывающее собой любые мыслительные процессы. В сфере уголовного процесса такая трактовка моделирования никаких положительных результатов не сулит. Очерчены перспективы дальнейших изысканий, призванных совершенствовать практику использования метода моделирования в уголовном судопроизвдетве.

20

Основные положений диссертаций Опубликованы в следующих работах:

1. Моделирование как один из методов познания в философии, логике и праве. Учебное пособие. Иркутск, 1994. 32 с. (В соавторстве с Н. Г. Васильевым).

2. Некоторые вопросы психологического анализа преступления в процессе его реконструкции//Применение нового законодатель» ства в области борьбы с преступностью. Домодедово, 1994. С. 82— 85.

3. Криминалистическое моделирование как один из видов деятельности следователя со знаково-символическими средствами// Сибирские криминалистические чтения. Вып. 1. Иркутск, 1994. С. 11 — 15.

4. Классификация средств знаково-символической деятельности, адаптированная к задачам криминалистического моделирования// Сибирские криминалистические чтения. Вып. 2. Иркутск, 1994. С. 8—12.

5. Некоторые вопросы реконструкции события преступления при

расследовании убийств из огнестрельного оружия (моделирование, мысленный эксперимент, реконструкция)//Сибирские криминалистические чтения. Вып. 3. Иркутск, 1995. С. 18—24.

6. Моделирование в процессе криминалистической реконструкции события преступления//Сибирские криминалистические чтения. Вып. 4. Иркутск, 1995. С. 14—23.

7. Еще раз о спорных высказываниях относительно структуры моделирования в расследовании преступлений//Сибирские **криминалистические** чтения. Вып. 5. Иркутск, 1995. С. 9—12.

8. Моделирование в процессе криминалистической реконструкции события преступления//Становление правового порядка в Российском государстве: реальность и перспектива (социально-правовые проблемы). Саратов, 1995. С. 209—210.

9. К вопросу о необходимости ограничительного толкования понятия «моделирование» в следственной практике//Магериалы норной научно-практической конференции по проблемам деятельности правоохранительных органов и противопожарных служб, Иркутск, 1996. С, 12—15.

10. Реконструкция события преступления следователем и моде-лирование//Проблемы правотворчества и совершенствования законодательства. Иркутск, 1996. С. 127—132.

21

11. Обстановка совершения преступления. Опыт системного подхода//Актуальные проблемы общественной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 1996. С. 53—54. (В соавторстве с В. С- Ишигеевым).

12. К вопросу о криминалистическом значении физиономических реконструкций на основе черепа//Дальневосточные криминалистические чтения. Вып. 2. Владивосток. (Находится в печати)

22